
Ю. Пахомов,
академик НАН Украины

КОНТЕКСТ НОВЫХ ВЫЗОВОВ ГЛОБАЛЬНЫХ, ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ, РЕГИОНАЛЬНЫХ И СТРАНОВЫХ ПЕРЕМЕН

Истекший 2003 год был для меня настолько "разнотемным", что даже обозначенное широкое название лишь с натяжкой отражает грани проведенного исследования.

Наиболее сквозным в исследуемой тематике был подход ко всем находящимся в поле зрения процессам и явлениям с позиций глобализации. Другим, также сквозным, хотя и в меньшей степени, является просмотр протекающих в мире, в макрорегионах и в отдельных странах (прежде всего в Украине и России) трансформаций под углом зрения цивилизационной специфики и межцивилизационных взаимодействий. Наконец, третьим по счету, но не последним по значимости является прослеживание во всех случаях перемен, происходящих под влиянием инноваций.

В ходе изложения того, что в истекшем году мной исследовалось, я делаю акцент на том, что считаю наиболее значимым с творческой точки зрения. Полагаю, что согласно этому критерию можно и нужно остановиться на следующих исследовательских сюжетах.

Во-первых, исследование новых тенденций в самой по себе глобализации и ее интеграционных последствий.

1. Анализируя процессы слияний и поглощений, доминирующие как факторы роста доходности, в своих исследованиях я увязывал их с начавшимся относительным оттоком инвестиций и вложений со стороны ТНК от стран малых и средних к странам крупнейшим, располагающим огромным рынком. Косвенным подтверждением растущей интенсивности этих процессов являются, прежде всего, прогнозы, декларирующие второсортность в перспективе 30—50 лет ныне доминирующих стран, таких как Великобритания, Франция, Италия; и вхождения в

число мировых лидеров, наряду с Соединенными Штатами, еще недавно неперспективных — Китая, Индии, Бразилии, России. Кроме того, уже фиксируются "жалобы" небольших стран (последний пример — Эстония и Венгрия) на то, что капиталы их уже "обходят". С выводами, основанными на влиянии слияний и поглощений на стихийное перераспределение силовых линий и центров силы, мной увязываются в исследованиях процессы интеграции и регионализации, а также новые тенденции в асимметрии цикличности. Применительно к Украине на этой основе делается вывод, что в качестве страны, лишенной углубленной интеграции в близлежащие сообщества (в ЕС не берут, в ЕЭП, за пределами зоны свободной торговли, не хочется) Украина может попасть в интеграционную ловушку и оказаться на обочине. Нежелательную перспективу синдромом "сиротства".

2. Исследуя процессы глобальной стратификации, проявляющейся в быстром разрастании "пропасти" между высоко-развитыми странами и странами слабо-развитыми, я уделял повышенное внимание механизмам, "обслуживающим" эти разрушительные для мироздания процессы. В ходе исследований, обобщая фрагменты и детали, был сформулирован и структурирован т.н. феномен "глобальной сепарации" (от слова сепаратор), в рамках которого происходит убыстрение разрыва миров за счет взаимной накладки механизмов, дифференцирующих и стратифицирующих мировое сообщество. Уже сам рынок, реагируя на разницу в производительности и различные удельные веса добавленной стоимости тех и других структур, преимущественно вознаграждает сильных и "отнимает" стоимость у слабых. Но к этому, уже в конце XIX века, добавились стоимостные перетоки, идущие в том же направлении за счет присущего высокоразвитому миру монополизма. Глобализация же, вызревшая в последней трети XX ст., дала эффект наслаивания на эти, и без того обескровливающие третий мир механизмы, многих новых механизмов и сил, действующих в том же направлении. Среди них выделим следующие:

— это нацеленные на изъятие богатства глобально действующие изоцированные финансовые инструменты, односторонне обслуживающие преимущественно западный капитал;

— это тотально-монопольное владение мировым авангардом (в основном благодаря магниту "ромба") высокими технологиями, обеспечивающими получение непомерно большой добавленной стоимости;

— это деятельность международных экономических организаций, особенно МВФ и ВТО, практически откровенно отстаивающих и обслуживающих интересы Запада, особенно за счет проводимой Западом неподготовленной внешнеэкономической открытости;

— это выкачивание средств транснациональными корпорациями, базирующимися, как правило, в странах золотого миллиарда и обладающими способностью разрушения любых преград, в т.ч. подминания правительств на пути к безэквивалентному присвоению прибыли;

— это набирающая силу практика "выкачки" из слабых стран "мозгов", лишаящая третий мир столь важного в условиях глобализации интеллектуального капитала;

— это облегченность утечки капитала из стран неблагополучных (с мафией, криминогенностью, беззаконием, продажными судами и т.д., а таков почти весь третий мир), в страны золотого миллиарда;

— это преимущественное (т.е. асимметричное) применение странами мирового авангарда субсидий и других льгот, усиливающих экспансионистский потенциал экспорта и подтачивающий импорт, идущий из развивающихся стран.

Вывод заключается в том, что механизмы сепарации стоимостных потоков, обслуживающие неэквивалентность в обмене двух миров, приобретают в условиях глобализации не только количественные, но и структурные, а значит, качественные характеристики. Здесь происходит не только тотальное присвоение постиндустриальным миром повышенных доз стоимости за счет притягивания и закрепления наукоемких технологий, но и выталкивание из стран авангарда на мирохозяйственную периферию низкотехнологичных и низкодходных сырьевых, трудоемких полуфабрикатных и грязных производств. А это означает, что количественная и качественная стороны растущей неэквивалентности органично совмещается с углубляющейся стратификацией расходящихся миров по критериям разнокачественного наполнения стоимостных потоков.

Как видим, однонаправленно, в пользу и без того богатых стран, в глобальном мире действует множество механизмов, отделяющих пропастью третий мир от мира первого.

3. Согласно стратегии известной схеме "Вызов—Отклик" в качестве реакции на глобализацию раскрывается регионализация.

В качестве поучительного опыта для Украины, не желающей углублять интеграцию в рамках ЕЭП за пределами Зоны свободной торговли, анализируется смысл регионализации в случаях АСЕАН + 3, ЕС, особенно, НАФТА. В исследовании в частности раскрываются на этих примерах преимущества глубокой интеграции перед "мелкой". На основе фактажа и аргументов доказывается, что мировой опыт функционирования зон свободной торговли свидетельствует о том, что там, где торгово-рыночные отношения протекают наиболее естественно, успех выражается, условно говоря, лишь в улучшении прежнего состояния, т.е. в полноте проявления ранее сложившихся позитивных тенденций. Структурные же перемены и новое качество роста отчетливы лишь там, где происходит соответствующая коррекция торговли, и, главное, где сама зона свободной торговли служит трамплином для дальнейшей углубленной интеграции, т.е. для поэтапного ее трансформирования в многослойный феномен, по сути, в единое экономическое пространство.

Наглядная иллюстрация сказанного — различие результатов (в пределах сопоставимого временного периода), которые дает ЕС, взятый в прежнем (15 стран) формате, и НАФТА. И в одном, и в другом случае мощное постиндустриальное ядро соединено со странами (страной) другой категории, выходящими за рамки мирового авангарда. В случае ЕС и совокупность стран, и каждая отдельная страна, перешагнув этап свободной торговли и войдя в единое пространство, сполна получают не только эффект торговый, но и эффект от действия надстрановых институтов и макрорегуляторов, а также единой валюты. И здесь (в ЕС), среди стран существенно отставших, но уже испытавших "общепространственное" влияние, таких, как Ирландия, Португалия, Испания, Греция, мы обнаруживаем не просто успехи в виде ускоренного роста, но и уникальное для современного мира явление, а именно: подтягивание отставших стран к авангардному ядру по критериям высокотехнологичности. В ЕС анклав, претендующий на статус высокотехнологичных зон, как и общее подтягивание стран по данному критерию, наблюдается в каждой стране, пример тому, высокотехнологичные сегменты в "стране" басков. И такой эффект в ЕС закономерен: ведь каждая страна, вошедшая в Евросоюз, в конце концов имеет возможность подключаться к тому, чего

не может быть в периферийной стране, а именно: к источникам развития, заключенным в т.н. (по М. Портеру) "ромбе", т.е. в комбинации научно-технологических, образовательных, инфраструктурных, кадровых и других факторов, которые притягивают к себе науку и наукоемкие высокие технологии и без использования которых постиндустриальное состояние просто недостижимо.

Что же касается НАФТы, то здесь в качестве интеграционного результата страны получают только лишь эффект от свободной торговли, т.е. открытости. Этот фактор здесь ничем надстрановым (в отличие от ЕС) не осложнен. Но эффект от ЗСТ сравнительно с другими региональными торговыми зонами высокий, т.к. по рыночным критериям механизмы зоны наиболее совершенны.

Первое, что здесь важно отметить, учитывая риски для Украины, это то, что младший партнер стран НАФТы, Мексика, еще до вступления в зону свободной торговли десятилетия наращивал конкурентный потенциал посредством хорошо отлаженного сочетания фрагментарной открытости с избирательным протекционизмом. Не будь этого этапа протекционизма, Мексика не смогла бы конкурентно выдержать фактор открытости в НАФТе, так же, как Китай, без предварительной протекционистской защищенности, не смог бы в высокой степени (как это произошло) открыться для ВТО.

Успешное развитие, которое Мексика демонстрировала на протяжении шестидесяти лет XX ст. и благодаря чему она была допущена в интеграционную группировку вместе с высокоразвитыми США и Канадой, действительно феноменально. Так только за 1940—1970 гг. рост ВВП на душу населения составил 20,5 раза, в результате чего Мексика по структуре и уровню экономики уже к 70-м годам существенно приблизилась к промышленно развитым странам.

И все же, несмотря на благоприятнейшую стартовую ситуацию и на огромный приток инвестиций, в том числе из США, страна не стала, да и не могла стать в условиях глобализации на путь создания высоких технологий, а значит, не могла получить шанс на трансформацию экономики в постиндустриальную и на вхождение в круг высокоразвитых стран. Даже сама притягательность Мексики для инвестиций определялась преимуществами в виде дешевой рабочей силы,

тогда как в США и Канаду тянулись инвесторы, рассчитывающие на фундаментальную и прикладную науку и на высокооплачиваемых работников высокой квалификации. Ведь даже при том, что по притоку инвестиций Мексика на какое-то время заняла второе в мире место после Китая (в 1994—1996 гг. их объем достиг \$ 31,5 млрд), подушевой доход в начале 90-х годов составлял здесь всего \$ 3 тыс. в год, а внешний долг достиг 97 млрд дол.¹. Факторы же (известные под названием "ромба"), притягивающие капиталы в сферы создания высоких технологий, по-прежнему были расположены в странах-гигантах, США и Канаде. И в этом отношении само по себе расширение межстрановой торговли мало что меняло. И это даже при том, что модернизация традиционных отраслей была в Мексике интенсивной и что США и Канада "играли" с Мексикой зачастую "в поддавки"².

Оказывается, что при всей мощи США как локомотива прогресса, весомый выигрыш хотя и достается всем участникам сообщества, но все же в разной степени. При этом каждому воздается "по его статусу", т.е. каждый выигрывает в "своем амплу", и не более. Получается, что сама разнокачественная наполняемость процессов взаимодействия сильного со слабым подгоняет воспроизводство последнего только под стандарты мира развивающегося. И это понятно, ведь зауженные рамки свободной зоны лишают младшего партнера подключения к тем возможностям, институтам и макрорегуляторам старшего партнера, которые "ответственны" за выращивание и функционирование высокотехнологичных сегментов. Створки для вхождения в высокотехнологичный постиндустриальный мир оказываются для страны закрытыми.

Факты свидетельствуют о том, что даже в период наибольшего "впрыскивания" в Мексику инвестиций, в страну потянулось в основном то, что располагалось ранее в странах Юго-Восточной Азии, т.е. текстиль, одежда, сборочные заводы и т.д. Выявилось то, что типично для развивающихся стран в условиях глобализации.

¹ Ж. Мировая экономика и международные отношения. — 2002. — №8. — С. 90.

² Так, если США и Канада сняли свои таможенные тарифы с 80 % мексиканского экспорта (исключая нефть), то Мексика это же сделала лишь в отношении 40—42 % американского и канадского экспорта.

4. Исследуя же, с учетом всего вышперечисленного перспективы интеграции Украины, мной делается вывод о безальтернативности движения Украины в Евросоюз через Россию. В разработках (нескольких) на эту тему доказывается, что есть различие в оценках интеграционных перспектив Украины, в одном случае, при их оценке "изнутри" и, в другом, при взгляде на эту проблематику "извне".

Во втором случае начинаешь понимать, что ни прямой путь в ЕС, ни подтягивание экономики к его уровню через внутреннее совершенствование ничего в этом смысле не дадут. Первое заказано, второе не получится по причинам, лежащим не столько внутри, сколько вовне. Вот тогда, с учетом перемен по линиям "ЕС—Россия", и по линии "Украина—ЕС", понимаешь, что определение Украиной опорных точек качественного роста, а также нахождение ею своей ниши в мировой архитектуре произойдет лишь через успешно формируемое ныне Россией и Евросоюзом (пока без Украины из-за ее многовекторности) Общеευропейское экономическое пространство (ОЕЭП). По этой причине, наряду с конкретными выгодами от взаимодействия с Россией, важно представлять и этот геоэкономический контекст.

Изложение аргументов (в том числе фактов) излагается в виде двух аксиом, важных для анализа.

Аксиома первая состоит в том, что ныне планетарное пространство стремительно покрывается многострановыми сообществами. В мире их уже больше двухсот, но все они в ближайшие 10—15 лет будут поглощены такими гигантскими сообществами, как АСЕАН + 3 (куда входят Китай и Япония); АТЭК (охват—2,6 млрд чел.) и Сообществом двух Америк, на фоне которых ЕС сожмется. И что истоки таких трансформаций не столько в известных рисках, идущих от "волн" глобализации, сколько от эффектов масштаба и синергии, получаемых в ходе таких перемен. В результате не гигантские, как это было еще недавно, а сверхгигантские ТНК стали господствовать на планете и искать приложения своих сил.

Вообще, уже на данном этапе считается, что наибольший эффект получают крупнейшие ТНК на единых пространствах с населением не менее 300—350 млн чел. Разумеется, в дальнейшем тяготение капитала к огромным экономическим пространствам, а значит, и многострановым сообществам, будет нарастать.

Аксиома вторая заключается в том, что Украина не должна быть вне этого процесса, она не должна десятилетия выжидать своей еэсовской очередности по принципу "туда не пускают, туда не хочу". Это была бы пагубная интеграционная ловушка с катастрофическими последствиями для страны. Тем более, что мир будет еще быстрее меняться, а догоняющая модель внутри-странового развития себя давно изжила.

Почему же Украине (в чем убежден автор этой аналитики) нельзя рассчитывать на прямое, ничем не осложненное вхождение Украины в ЕС. Ответ на этот вопрос содержится не только в нынешней неразвитости экономики Украины, но и в других сложностях, которые связаны с трудным "освоением" Евросоюзом десяти его новых членов.

Здесь важно принять во внимание, что ЕС, как амбициозный политический проект, основывался на двух "китах": во-первых, на высокоразвитости и (что еще важнее) выравненности экономического пространства стран Западной Европы, и во-вторых, на единстве цивилизационных ценностей, таких, как рационализм, законопослушание (т.е. главенство права), специфический (нацеливающий на успех и совершенствование) индивидуализм, либерализм, а также этические традиции в бизнесе. Если первые обстоятельства (высокоразвитость и, особенно, выравненность) обеспечивали возможность создания унифицированной (единой) для всего ЕС системы макроэкономического управления, то вторые (цивилизационные характеристики) гарантировали не только совместимость, но и высокую эффективность регулирования всеми, не только экономическими, но и социальными процессами (ведь именно цивилизационная уникальность — источник успеха западных стран!).

Все было хорошо в Евросоюзе, пока он не выходил за пределы стран западноевропейского ядра, т.е. стран, *одинаковых по уровню* и высокоразвитых. Но уже принятие в ЕС таких (более отсталых) стран, как Португалия, Греция, Ирландия, Испания, привело к сбоям в работе механизмов унифицированного управления и дало отрицательный эффект ассиметричных шоков: "затрещал" единый курсовой подход, нарушилась синхронность в осуществлении кредитной политики, политики бюджетных дефицитов и т.д.

Но положение было быстро выправлено с помощью огромных инъекций в экономику этих стран и за счет ускоренного подтягивания отстающих сегментов к общему высокому уровню, например: только сельское хозяйство Испании разово получило \$ 50 млрд (забегая вперед сравним — ныне десять новобранцев получают в течение ряда лет \$ 40 млрд на всех). Нужно сказать, что исключительно быстрое "освоение" экономик Ирландии, Португалии и других стран было тогда потрясающим. И основано это было не только на финансовых допингах, но и на консолидированном желании сделать эти страны успешными (чего сейчас уже нет!).

Принципиально иной оказалась ситуация с освоением Евросоюзом десяти ныне вошедших в него новых стран. Страны эти, в отличие от предыдущих, оказались непосильными для быстрого освоения из-за слишком больших (если взять их совокупно) перепадов в уровнях развития экономик сравнительно с экономиками стран Запада. Их принятие было результатом не экономических, а политических решений, принятых (как и в отношении будущих членов ЕС — Болгарии, Румынии, Хорватии...) задолго до этого в целях изоляции России на случай возрождения ее мощи.

Сразу стало ясно, что полноценное включение десяти новых стран в Сообщество подорвет основы его унифицированного макроэкономического функционирования; что процесс их (а плюс Румыния и другие) "переваривания" затянется. Оказалось, что даже Венгрия, чья экономика наиболее коррелируема со странами ядра ЕС, по формуле Манделла, для еэсовского валютного регулирования не годится и т.д. На все это, впервые в истории ЕС, наложились протесты против расширения ЕС со стороны набирающих силу праворадикальных партий, а также нежелание главных доноров, Германии и Франции, истощать свои финансы в пользу "нищенков".

Все это, и кое-что другое (нежелание идти на поводу США, сторонника нынешнего расширения ЕС) привело к доминированию в ЕС т.н. евроскепсиса. Стало ясно, что само полноценное (как ранее) подключение новичков к генерирующим источникам развития стало невозможным. И дело не свелось к резкому уменьшению финансовых инъекций и к некомпенсированию потерь этих стран от вступления (особенно в доходах из-за взлета цен). Стало ясно, что в этом случае не избежать

своеобразного раздвоения пространства ЕС на полноценное (для 15 "старожилов") и второсортное, во многом подвергаемое дискриминации. Такой откат от прежних правил — не какая-то абстракция, это многоаспектная реальность.

Кроме резкого уменьшения финансов для новичков, особенно болезненны следующие, уже состоявшиеся дискриминационные реалии:

— всплеск цен на 50—70 % не был и не будет компенсирован;

— беспрецедентное для ЕС дискриминационное решение об ограничениях в передвижении граждан 10 новых стран по Европе и в принятии их на работу в странах ядра ЕС. Характерно (что есть хитрость), что дискриминационные решения запущены пока по линии стран ядра, но и общеевропейские ограничения предполагаются. К настоящему времени Германия, Франция, Австрия, Финляндия, Испания, Бельгия, Нидерланды уже сообщили Еврокомиссии, что их границы на протяжении трех лет будут закрыты для въезда трудовых мигрантов с Востока, что по законодательству ЕС они имеют право решать по-своему.

Началась волна экспансии по не очень-то корректному захвату рынков стран-новичков. В Чехии это финансовые решения западных банков (свои на 70% скуплены Западом), ограничивающие суверенные решения правительства о реализации приоритетов (В. Клаус в итоге заявил о потере Чехией суверенитета); в Польше — навязывание стране 480 тыс. т зерна на беспошлинной и субсидируемой Западом основе, что заведомо лишает зерновое хозяйство Польши конкурентоспособности и т.д.

Ситуация с шансом на расширение ЕС в будущем осложняется и всплеском протестных движений в Западной Европе, а также разочарованием в жизненности этого проекта со стороны населения как стран ядра, так и новой периферии. Так в Польше, согласно последним опросам, 61% населения настроен против ЕС, а три правые партии начинают осуществлять процедуру выхода страны из Евросоюза.

Украина для вступления в ЕС по всем параметрам не годится. И дело не только в том огромном, самом большом на постсоциалистическом пространстве спаде (ВВП на душу сравнительно с советским периодом снизилось более чем двухкратно). Значение имеет и слабая взаимная интегрированность экономик в ЕС и Украины. В экономическом обороте стран ЕС

(исключая новобранцев, что не считается) Украина, в отличие от Польши, Венгрии, Чехии и других, составляет ничтожную долю (во внешнеэкономическом обороте — 0,4 %, по инвестициям — 0,0007% и т.д.), тогда как требуется, чтобы интегрированность вступающей страны должна переваливать за 50%.

Не менее существенно для Украины и несовместимость с Западом наших цивилизационных ценностей. У нас (как и в России), в отличие от евростран, преобладает (что отмечал еще великий И. Павлов) иррациональность (что лучше для жизни, но хуже для дел); значение (негативное) имеет и преобладание в Украине, вместо законопослушания, правового нигилизма (лишь 7% пожилых и 5% молодежи исповедуют эту евроценность); индивидуализм украинский вообще противоположен западному, он, в отличие от западного (богоподобия, магнетизма, стремления брать новые и новые высоты), хуторской, разъединяющий, замешан на зависти, что находит отражение и в пословицах, и в массовых опросах. Что касается этической стороны предпринимательства (там ведь многое, особенно контрактная система, основаны на доверии), то тут, как говаривал поэт, поэзия молчит, и гремят пушки.

Кстати, вскоре, с принятием 10 новыми странами всех правил общения, осложнится и внешнеэкономический оборот с нашими традиционными (Польша и др.) партнерами. И дело не только в визовом режиме, более серьезные преграды встанут перед нашим экспортом из-за неимоверного обюрокращения (с протекционистской целью) еэсовских нетарифных требований. Требования эти, кстати, непрерывно меняющиеся, занимают 80000 страниц, и это очень смахивает на советские времена, когда предприятиям предписывалось: "зайчик должен быть с поднятой лапкой и окрашен оптимистично". Согласно высказыванию на этот счет известного западного эксперта А. Ослунда, "в странах Центрально-Восточной Европы экономика эффективнее, так как они свободны от вредоносного влияния ЕС с его иезуитским нетарифным регулированием" ("Независимая газета" от 30.04.2004 г.).

В сложившейся ситуации Украине надо искать иной интеграционный выход, ибо одиночество ("сиротство") неизбежно означает деградацию.

Но неожиданно для нашей страны шанс войти (правда, без территориального вхождения в ЕС) в Европространство

появился в связи с формированием Россией и Евросоюзом "Общеввропейского экономического пространства ЕС—Россия" (сокращенно "ОЕЭП ЕС—Россия"), которое (кстати, без Украины) ускоренно создается на основе решений трех саммитов Россия—ЕС, начиная с 2001 г.

Конечно, использованию такой возможности (а она единственный шанс на интегрирование в ЕС) препятствуют многие обстоятельства, связанные с "бракоразводным" процессом и с иррациональностью подходов, о чем свидетельствует череда прошлых и настоящих событий в Украине. Без прихода к власти сильного и авторитетного лидера это, конечно, невозможно.

Но для тех, кто мыслит рационально и готов преодолевать немалые преграды на этом пути, вектор интеграции в сторону ЭЭП, но с условием вхождения (вместе с Россией и ЕС) в упомянутое общеевропейское пространство, может быть привлекательным не только по причине сближения с Европой, но и по многим другим причинам.

Перечисляю эти моменты вкратце.

— Феноменален факт готовности России создать Зону свободной торговли без изъятий и исключений. Даже в самых успешных ЗСТ этого, как правило, нет. Так, в ЗСТ Нафта, со стороны США исключений в отношении Мексики более сорока, со стороны Мексики еще больше.

Но было бы большой ошибкой с украинской стороны усматривать (как это имеет место) выгоды только в отсутствии "исключений"; главное — эффект кооперирования и масштаба во взаимодействиях и в шансах на совместные проекты, — за чем гоняется весь высокоразвитый мир.

— Главная возможность — возможность создания с Россией и ЕС (что там уже намечено) единого научно-технологического пространства. Ведь ЕС интегрируется с Россией прежде всего из-за того, что Россия, при всех потерях допутинских лет, даже сейчас существенно превосходит ЕС по достижениям фундаментальной науки. И это, в условиях обострений конкуренции с США, имеет для ЕС решающее значение.

Симбиоз, основанный на взаимодополнении фундаментального (Россия) и прикладного (З. Европа), для ЕС наиболее важен, к нему важно подключиться (пока что неподключаемой) Украине. В ЕС знают то, о чем мы в Украине не случайно забыли, а именно: еще "в начале 80-х годов СССР располагал 2/3

мировых открытий и изобретений" (см. ж. "Свободная мысль", №8. — 2003. — С. 47—48); и что даже "сейчас Россия располагает инновациями на десятилетия вперед" (см. там же). И не случайно, и именно по причине этих возможностей России, министр экономики и труда Германии В. Клемент считает, что "...будущее Европы во многом зависит от того, удастся ли нам (т.е. ЕС. — Ю. П.) создать общеевропейское экономическое пространство" ("Независимая газета" от 2.12.2003 г.).

Конечно, в Украине Россию многие (кому это выгодно) считают страной, отдаленной от Запада. В Европе же, как правило, убеждены, что сравнительно с Украиной, Россия и в рыночном, и в современном контексте более продвинутой и что она — вполне европейская. Приведу мнение экс-премьер-министра Швеции Карла Бильдта на сей счет: "Эра Евразии для России закончилась и будущее российского государства — это его постепенное объединение с остальной частью Европы" (ж. "Россия в глобальной политике", №2. — 2003. — С. 42). Конечно, Россия остается и азиатской, и в этом тоже ее сила: она черпает отсюда энергию, размах и живучесть.

Взаимодействие с Россией в едином пространстве (а не только в ЗСТ) важно и потому, что она была бы локомотивом не только экономического эффекта, но и рыночно-институциональной продвинутой. Ведь в России несопоставимо в большей мере развит и высокотехнологичный венчурный бизнес (\$ 4 млрд); и фондовый рынок; что там есть склонность и даже талант (в отличие от нас) в выстраивании масштабных долгосрочных проектов; наконец, что там почти в 3 раза выше средняя зарплата, и не случайно туда (а не к нам отсюда) ежегодно едет более миллиона граждан на заработки. В России, наконец, сформировались мощные ТНК, существенно превосходящие наши. В мире сейчас, часто взамен конкуренции, усиливается консолидация и партнерство ранее враждовавших фирм. Не исключено, что через россиян и к нам "придет" эта практика.

Что же касается проблемы потери суверенитета — это неосознанное комплексирование. Уже правилами формирования ЕЭП (разноскоростное движение, "пропускание" через ВР каждого проекта и др.) Украина от неприятностей защищена. К тому же Россия сама была инициатором "сброса" других республик: ей это было выгодно. Ведь только Украина имела от России

(через заниженные на нефть, газ, лес и прочее) ежегодно дотации \$16 млрд (по нынешним временам — это три украинских бюджета, т.е. более \$30 млрд!).

Украина нужна России в едином сообществе в качестве не слабой, а сильной, чтоб уравновесить этим симбиозом доминирующую силу ЕС. Кроме того, там (в отличие от нас) осознана важность эффекта масштаба, совместных дальнобойных проектов и, прежде всего, стыковки научных идей и разработок: ведь мы десятилетиями в этом отношении адаптировались друг к другу и наша сила — во взаимодополняемости, а не только в конкуренции.

При этом важно Россию не предавать. Там отдадут последнюю рубаху друзьям (конечно, это относится к народу, а не к олигархам, но это тоже важно). Но предавать Россию — себе дороже. Поэтому известные слова Черчилля о том, что у Англии нет вечных друзей, а есть вечные интересы, для наших народов не подходят.

Благоприятным является и отношение россиян к украинцам. Согласно опросам Ю. Левады (публикуемым в газете "День"), около 80% россиян считают украинцев братьями, а многие даже — одним народом. В Украине (если исключать Западные области и Центр) — показатели примерно те же.

Наконец, из ОЕЭП легче будет физически попадать в Европу. В России (хотя не без заминок) продвигается проект безвизового передвижения россиян в страны Евросоюза.

Во-вторых, исследование с цивилизационных позиций различных тенденций, складывающихся как на геоэкономическом пространстве в целом, так и во взаимодействиях отдельных миров и стран.

1. В ходе исследования цивилизационных процессов выявлялась взаимообусловленность (в том числе под влиянием глобализации) важных для судеб человечества тенденций дискретности и универсализма.

В ходе анализа показано, что в рамках этих тенденций особые опасения внушает в последние десятилетия то, что водораздел между богатыми и обездоленными проходит по цивилизационным разломам. В этом случае как восприимчивость, так и невосприимчивость технологического прогресса, а равно и опосредствующих его глобальных отношений, оказываются не случайными и не преходящими, а весьма устойчивыми.

Ведь цивилизационное восприятие (отторгающее или, наоборот, притягивающее) достижений высокоразвитого Запада определяется не только критериями рациональности, но и сложным комплексом культурных, исторических, этнопсихологических и других традиционалистических факторов, формирующих особую систему ценностей. Эти ценности могут благоприятствовать освоению технологических достижений, преподносимых, к примеру, в прозападной ценностной упаковке, а могут входить с ними в противоречие. Причем само это противоречие (если оставить в стороне позитивное взаимодействие) бывает, по меньшей мере, двояким. В одних случаях достижения, идущие от Запада, в конце концов отторгаются как цивилизационно чуждые; в других — сама иноцивилизационная ценностная устойчивость в столкновении с мощью Запада терпит крах, и страна, лишившаяся традиционных скрепов, деградирует. Соответственно экономика погружается в пучину хаоса, коррупции и обездоленности большинства граждан.

Примеры как положительных, так и отрицательных реакций убедительны для того, чтобы выводы о разноречивых влияниях цивилизационных факторов на судьбы страны считать доказанными.

Так, несомненно, что успехи, достигнутые в экономике странами Восточной и Юго-Восточной Азии во взаимодействии с Западом, в решающей степени определялись именно цивилизационными факторами, в данном случае — ценностями конфуцианства. В ходе взаимодействия на рыночной основе выявилось, что конфуцианство содержит потенциал рационализма, который сродни рационализму Западному. Согласно отстаиваемому мною представлению, конфуцианский рационализм даже богаче, мудрее и гибче западного. Если же говорить конкретно, то надо отметить, что успеху, например, в Китае в немалой степени содействовали такие, заложенные в конфуцианстве ценности, как культ образования и знаний; стремление перенимать достижения других стран при одновременной настороженности и недоверии ко всему чуждому; своеобразная стратегия, обозначаемая тезисом "мягкое побеждает твердое", в том числе умение сдать позиции в малом в расчете на выигрыш в большом; традиции патриотизма, проявляющиеся, кроме прочего, в стремлении китайской диаспоры обогащать свою страну. Немалое значение для переходного периода имели

восточные (прежде всего, китайские) традиции коллективизма и преемственности с прошлым опытом; готовность народа и элит в трудное время к аскетизму; органичное непринятие хаоса и склонность к просвещенному авторитаризму (что важно именно для переходного периода); культ честного чиновничества и т.д. Именно традиции позволили, к примеру, в Китае обеспечить успех на основе соединения, как казалось, несоединимого: компартийного руководства с рынком. Даже иероглифы — эта уходящая в тысячелетия письменность — "работали" на сохранение в стране единства и солидарности, что особенно важно именно в переходное, потенциально смутное время. Неудачу потерпели и попытки МВФ, а также стран Запада навязать в странах конфуцианства рыночные трансформации в виде шок-терапии, что, как мы знаем, легко удалось осуществить в Украине и России, странах, лишенных рационализма и способности отстаивать в переломные моменты свои реальные интересы с опорой на традиции и устойчивые ценности.

Так что именно цивилизационная специфика сыграла решающую роль в стартовом успехе стран конфуцианского пояса; именно эти обстоятельства столь длительное время придавали межцивилизационным отношениям по линии Восток—Запад черты гармоничности и взаимной выгоды.

Вместе с тем автор обнаруживает, что те же подходы (цивилизационные), которые несут успех, при чрезмерном задержании страны на том или ином этапе оборачиваются издержками; а то и отбрасыванием "назад" по причине, снова-таки, цивилизационных факторов.

Так разбушевавшийся в конце 90-х годов кризис в странах Юго-Восточной Азии отчасти и был спровоцирован цивилизационной спецификой. Оказалось, что источник цивилизационного кризиса коренился в растущем несоответствии между регулятивно-цивилизационными основами экономического роста в странах восточной Азии с одной стороны, и новыми глобальными вызовами, а также правилами, навязываемыми Западом, — с другой. Случилось так, что факторы (в основном традиционалистские), содействовавшие в азиатском регионе в условиях доглобализационных в течение десятков лет успеху, выявили в условиях глобализации свою несостоятельность.

В общем-то и без того урока, который преподал финансовый кризис, было ясно, что коренящийся в системе азиатских

ценностей всепронизывающий патернализм не может бесконечно быть источником успеха. Лишь на раннем этапе развития рыночные, а равно и нерыночные силы, умело (даже виртуозно) поддерживаемые государством, обеспечивали успех, который оборачивался феноменом экономического чуда. В тот период, кроме прочего, почти во всех странах конфуцианского пояса безотказно срабатывал эффект высокого энергетического напряжения и энтузиазма, который тоже не бывает продолжительным и который важно своевременно скомпенсировать иными мотивациями и регуляторами.

Со временем рычаги патернализма, сначала сильные и здоровые, существенно ослабевали, а к тому же и злокачественно перерождались, чему содействовал и сам по себе рынок.

Лекарством, оздоравливающим регулятивную систему, могла быть либерализация, хотя бы внутренняя, пусть даже при внешней закрытости. Однако заменить одну регулятивную систему было не так-то просто. Ведь система патерналистского воздействия на рыночные отношения, известная как феномен соединения силы государства и силы рынка, отнюдь не была только лишь составляющей государственной политики. В регулятивных механизмах патернализма нашли на Востоке свое воплощение глубинные основы ценностной системы, т.е. традиции, которые веками исповедывал народ. Тут и культ верховенства государства, и предубеждение против любого, в том числе рыночного хаоса, и традиции поддержания солидарной, коллективистской безопасности, и даже фактор почитания чиновничества. И было бы неверно считать, что все это — явление случайное и искусственное. И на раннем этапе развития альтернатива такого способа прорыва к успеху для этих стран просто отсутствовала. Вернее, альтернативой мог быть лишь заведомый провал вроде нашего.

Однако со временем инерционность и консерватизм традиционалистской системы регуляторов стали ставить в большинстве успешных стран Азии существенные преграды на пути институциональных трансформаций, адекватных современному рынку, для формирования которого экономики уже созрели. Образовывался, а затем и увеличивался разрыв между сугубо экономическими достижениями этих стран и системой институтов. И чем в большей мере стартовые успехи коренились в той или иной стране в опоре на традиции, тем сильнее была

инерционность, а значит, и противоречие между высоким (по мировым меркам) экономическим развитием с одной стороны, и эмбриональным, а также искаженным состоянием рыночных институтов — с другой. Ибо соблазн поддержания высокого экономического динамизма за счет традиций оказывался трудноискоренимым.

Конкретные проявления кризиса цивилизационных ценностей, причем именно под влиянием экономических успехов, многообразны. Но, пожалуй, наиболее концентрированы они в Японии, стране, добившейся во многом за счет традиционалистских регуляторов наибольших успехов. Именно на традиционалистской почве эта страна несколько лет переживает и кризис менеджмента, и кризис занятости. Традиция пожизненного руководства фирмой, как и пожизненного найма всех сотрудников, образующих большую семью, входит в острейшее противоречие с технологическим прогрессом и новыми вызовами в сфере менеджмента. Подрывом конкурентоспособности все больше оборачивается и поддержка государством олигархических структур, таких, как кейруци. То же следует сказать об отсутствии пруденциалистской строгости, в т.ч. о патернализме банков в отношении своей клиентуры. Масштаб и удельный вес невозвратных кредитов, как следствие этого патернализма, ведет не только к ослаблению банковской системы, но и к угрозам в части безопасности страны.

Кстати, вопрос о сложности и продолжительности процессов формирования институтов не очень-то занимает теорию. В разработках на эту тему речь идет о видах, структурном строении институтов, об их взаимодействиях и прочих вещах, касающихся сути и содержательной стороны проблемы, а не временного контекста. Между тем о сложности и продолжительности процессов формирования институтов свидетельствует опыт не только азиатских стран, но и, к примеру, стран Латинской Америки. Здесь проблемность формирования институциональной системы, предопределяющей многие неудачи в экономике, характеризуется продолжительностью, измеряемой многими десятилетиями. Мировой опыт показывает, что развитие, основанное на механизмах рынка, оказывается устойчивым лишь там, где опора на хорошо отлаженные институты обрела характер прочных вековых традиций. Так антикризисная устойчивость Сингапура, проявившаяся в кризисной

азиатской ситуации, объясняется институциональным наследием как законодательным, так и организационно-экономическим, полученным еще в далеком прошлом от Англии, основательно освоившей этот регион во времена колониальные.

Однако этот пример (пример Сингапура) выявился во время кризиса 1997—1998 гг. как единственный. В других странах макрорегиона, подвергшихся кризису, институциональная система, отвечающая критериям строгого либерализма, не была еще сформирована. Более того, она оказалась, сравнительно с предшествующим этапом, более аморфной и разлаженной.

Так что азиатский Восток, еще недавно беспокоящий Запад своими успехами, не выдержал испытания глобальным универсализмом. Страны, еще недавно демонстрировавшие беспрецедентные по высоте и длительности темпы роста, оказались неспособными, покидая поле дискретности, сохранить свою, как казалось, всепобеждающую конкурентоспособность.

Конечно, испытание глобализацией пока выдерживает (из стран не западных) Китай; и это не тот случай, о котором можно сказать, что "одна ласточка весны не делает". Китай как раз весну (а кому-то осень) делает! Однако страна эта все же находится под подозрением в части своей продолжительной эффективности, поскольку она пребывает в той фазе первичной эксплуатации цивилизационных ценностей, когда традиционалистские подходы, сочетаемые с рынком, еще себя не исчерпали. Однако похоже, что именно Китай, учась на чужих примерах, уже не попадает в глобальную ловушку.

2. Полагаю, новизной отличается исследование взаимодействия глобализации и цивилизационной специфики на примере Запада. В данном случае при оценке глобальной политики и ее планетарных последствий важно разделять глобализацию как объективную данность и как западный проект, т.е. как политику, нацеленную на использование Западом тенденций глобализации в своих интересах, т.е. в интересах своих стран и пребывающих в этих странах глобальных игроков в виде мощных ТНК.

Главные истоки западного глобального превосходства заложены в системе цивилизационных ценностей и в поведенческом стереотипе, на них основанном. Дело в том, что, за исключением стран конфуцианства, только западный мир сполна и последовательно придерживается принципов рационализма,

доведенного до жесткого утилитаризма. Далее, только Запад (за исключением рухнувшего славянского мира) продуцирует последовательно научные открытия, лежащие в основе новейших технологий.¹ Наконец, именно западный человек, особенно исповедующий ценности протестантизма, считает себя богоугодным лишь при непрерывном следовании по ступеням жизненного (в том числе бизнесового) успеха, и соответственно, при "наращивании себя над собой". Народы, представляющие другие цивилизационные миры, как правило, лишены подобных цивилизационных ценностных установок и стереотипов; главное же в том, что они менее рациональны и не нацелены столь последовательно на экономический успех.

Это, конечно, не означает, что подобный подход предполагает деление народов на лучшие и худшие. У народов, лишенных жесткого рационализма, имеются свои несомненные, еще более важные для жизни, преимущества, они, при прочих равных условиях, располагают большей возможностью быть счастливыми, поскольку их жизнь в большем диапазоне расцвечена жизненными ценностями. Еще Дарвин отмечал, что с годами, все больше становясь "живой машиной" по переработке знаний, он довел себя именно из-за рационализма до угасания эмоциональной сферы; и это было сродни потере счастья.

Положение, определяющее доминирование Запада, еще больше усугубляется и тем, что на глобальные процессы, взятые со стороны их объективного протекания, Запад накладывает свою экспансионистскую политику, включающую не только стратегии ТНК, но и целено сформированный Западный проект.

Западный экспансионистский глобальный проект, — явление относительно новое. В послевоенные годы, в условиях цивилизационного ренессанса и двухполюсного мира, западный планетарный проект тоже существовал, но он направлен был на содействие развитию стран третьего мира, т.е. на преодоление разрыва между третьим и первым мирами. Понятно, что соперничество США и СССР за преобладающее влияние в третьем мире немало этому содействовало.

¹ Даже Япония, прикладывая на этом направлении огромные усилия, в основном основывала свой успех на импортных инновациях; а в науке, особенно фундаментальной, она пока не преуспела.

В условиях же однополюсного мира у западных стран, особенно Соединенных Штатов, отпала потребность исповедывать своего рода донорский проект. Появилась возможность использовать для обогащения не только свои экономико-технологические и институциональные преимущества, но и поставить себе на службу глобально действующие механизмы и институты и за счет этого дополнительно усилить свои и без того значительные конкурентные преимущества.

Использование глобальных процессов, как Западный проект, исследовалось мной в ряде статей, и в виде разделов монографий. При этом раскрытие экспансионистской природы Западного глобального проекта велось в широком диапазоне; от версий теоретических (замена кейнсианства монетаризмом) до прикладного анализа методов поддержки "своих" ТНК и беззастенчивого использования в корыстных целях не только деятельности, но и концепций, реализуемых международными экономическими организациями (прежде всего МВФ и ВТО).

Значительное внимание в контексте цивилизационной адаптации к глобализации уделялось, наряду с другими мирами, славянскому миру; речь шла, разумеется, прежде всего об Украине и России. Исходным здесь было то, что перемены, оптимизирующие влияние глобализации на разные миры, должны касаться и глобального универсализма, и начал дискретности.

На первом из названных направлений важно предпринять все необходимое для обуздания слишком уж экспансионистских проявлений глобального капитала и, прежде всего, всемогущих ТНК.

Нет сомнений, что и решение проблемы обуздания, а заодно гуманизации глобального капитала при условии осознания нынешних (быстро нарастающих) глобальных рисков, окажется для человечества вполне решаемым. Что же касается конкретных мер, то они заложены хотя бы в том же пруденциализме и иных механизмах либеральной строгости. Важно только трансформировать их применительно к специфике глобального пространства.

На втором направлении, направлении дискретности, проблемы, казалось бы, решаются намного легче. Дескать, важно прежде всего перестать мистифицировать тотальную открытость как непрременное условие функционирования глобального

капитала, и сам отказ от абсолютизации нынешней глобалистской идеологии создал бы благоприятную основу для исповедывания слаборазвитыми странами той избирательной закрытости, которая адекватна их состоянию. При этом, чтоб не было перепада от полной беспомощности перед мощью ТНК к протекционизму, мешающему конкуренции, достаточно, чтобы за этим следили облагороженные нынешние кровососы, МВФ и ВТО. Причем зрителем над ними вполне может быть Всемирный банк (а не МВФ и ВТО), ведь он по замыслу заинтересован в экономическом преуспевании каждой страны — клиента, от этого зависит успех его инвестиционных проектов.

Все это так, но проблема состоит и в том, что разные миры с доминирующими пока что западными ценностями по-разному совместимы. В одних мирах (страны иудаизма и конфуцианства) эффект от восприятия западной регулятивной системы достигим. Примером служит такая страна конфуцианства, как Сингапур.

По-видимому, и такие гиганты, как Япония и Китай, столкнувшись, по мере развития и интегрирования в глобальное пространство своих экономик, со все большим исчерпанием традиционалистских регуляторов, сумеют пережить период межцивилизационных ломок и заминок, и достичь, в правилах игры на рынке и в институциональной сфере, оптимального соотношения цивилизационно своего и необходимого чужого. Ведь обе эти страны не раз проявляли именно в регулятивной сфере чудеса находчивости и гибкости, основанные на началах конфуцианского рационализма.

Хуже обстоит дело с перспективой адаптации к западным рыночным практикам и институтам западного типа в Украине и в России. Не случайно, а закономерно эти страны, особенно Россия, дважды за столетие радикально поменяли ценностные ориентиры. Беда и в том, что в этих странах на довольно вялые регулятивные системы, нуждающиеся во внешнем (авторитарном) подстегивании, на переломных этапах постоянно накладывалась своеобразная маятниковая система регулирования, подпитываемая радикальным и всеразрушающим нигилизмом.

Нигилизм, как известно, явление общеевропейское. Его пророками были Кьеркегор и Ницше, а реалии на Западе воплощались в охватившем ряд стран фашизме. Но для Европы

практический нигилизм оказался лишь эпизодом. На практике он был преодолен рационализмом, воплощенным в механизмах оперативной демократической и рыночной коррекции тех отклонений, которые могли быть чреваты разрушительным революционным буйством. Иное - удел России. Пока что ей свойственны шараханья из стороны в сторону под влиянием маятниковых протестных колебаний, прорывающих, с долговременными поддержками, зашлакованные русла жизни для новых перемен, которые, из-за передержки пара в котле, не могут не быть радикально-разрушительными, порождающими нигилизм.

Нужно сказать, что такой способ самоутверждения русского народа не случаен; он адекватен сложившейся веками системе ценностей, включающих чувствительность к величию страны, основанному на самодержавности; долготерпение и покорность, уравниваемые пьянством, загулом и разбоем. И вместе с тем действующая подчас в обратном направлении уникальная, нигде в мире не виданная способность, — как писал В. Ключевский, — в короткие отрезки времени источать гигантскую энергию. К этому добавляется общинность, уравнительность, а значит, и болезненное непринятие богатых; способность в ситуации, когда страна, казалось бы, полностью изничтожена супостатами, "обидеться" на судьбу и грозно встать во весь рост с энергией и силой внезапно разжимающейся пружины, дожатой до конца.

В Украине, как и в России, процветает правовой нигилизм. К тому же хроническое зависание экономики Украины между двумя (авторитарной и либеральной) регулятивными системами создает в стране регулятивный вакуум. А там, где нет ни сил авторитаризма, ни сил жесткого (правового) либерализма, к власти надолго приходит криминалитет. Так что не случайно Украина возглавляет рейтинговые таблицы по показателям коррупции мафиозности; не случайно здесь сама власть носит кланово-мафиозный характер.

В рамках анализа внутрицивилизационных взаимодействий особое внимание мной уделялось анализу взаимодополняемости народов Украины и России. Исходным было в данном случае высказывание Н.В. Гоголя о том, что русские и украинцы, щедро одаренные талантом, как бы рождены друг для друга.

Конечно, "бракоразводный процесс", вывернувший прошлое страны наизнанку, осложнил отношения стран друг к другу.

Но есть все основания считать, я здесь их не касаюсь, что уже сейчас в отношениях Украины и России ослабевают, отходят на задний план те поверхностные причины взаимных отторжений, в том числе исторические обиды, которые сопровождали "бракоразводный процесс" в начале 90-х. Тем более (о чем свидетельствуют опросы всех последних лет), что истоки негативных нагромождений коренятся не в отношениях наших народов, а в тех катастрофических ситуациях, которые ввергли в страдания и один народ, и другой. Поэтому естественным для наших стран должно быть все большее осознание того, что находится за пределами политики и власти; что заложено в глубинных (исторических) пластах экономических, социальных и духовных взаимодействий. А взаимодействия эти, как показывает анализ, зиждятся не столько на отталкивании (хотя и это имеет место), сколько на взаимном притяжении и, более того, благотворной и взаимовыгодной дополняемости.

Решающее значение как для позитивов, так и для негативов во взаимоотношениях народов двух наших стран имеет то обстоятельство, что при объединяющем народах сходстве, Украина и Россия вместе с тем имели (в рамках и общей, и тем более раздельной истории) весьма различную судьбу. Эти судьбоносные отличия касались и экономики, и социальных процессов, и, естественно, нравственно-духовной сферы жизнедеятельности. Они и предопределили поведенческую и ценностную взаимодополняемость.

Обратимся к некоторым сопоставительным характеристикам народов России и Украины, и к тому потенциалу взаимодействия на почве взаимодополнения, который просматривается через эти черты.

Известно, что на облике русского народа решающе сказались необъятные, малозаселенные пространства, их необычная суровость, как провоцирующие общинность, крепостничество, разбой и властную деспотию, а также порождающие, в виде реакции и противовесов, порыв к воле, выливающийся эпизодически в пассионарные взрывы, во всеокрушающие бунты и революции. Здесь каждый вызов — и внутренний, и внешний, — дает мощнейший отклик, а унижение народа — откуда бы оно ни исходило — оборачивается затем демонстрацией его силы и величия.

В Украине, в противоположность России, веками формировался индивидуализм, но индивидуализм особого рода, в корне отличный от западного, провоцирующий разобщение. Здесь в большей мере, чем в России, получила развитие и восприятие частная собственность, менее обременительным и скоротечным было крепостничество. Социальные отношения характеризовались большей демократичностью.

Интенсивным, как и в России, было взаимодействие украинской культуры и других культур. Но здесь, в отличие от России, имел место не столько синтез и эффект синергии, сколько конформизм и приспособленчество, что уязвляло, с другой стороны, самолюбие, порождало протест и вместе с отторжением формировало комплекс неполноценности.

Все это (как в России — пьянством и разгулом) в Украине компенсируется культом бытоустройства (и в России лучше обустроенные деревни — обычно украинские), гедонизмом ("валятся сами в рот галушки") и националистическим гонором. Конечно, украинский гонор (в том числе и западноукраинский, и киевский) не идет в сравнение с классическим — польским. Но сказку о себе, как об Иванушке-дурачке украинец (в отличие от склонного к унижению русского) не сочинит.

Отмеченные и многие другие несходства, осложняемые обидами и тяжелыми воспоминаниями, периодически (как в этом десятилетии) давали вспышки раздоров и противостояния. Но это — пласт поверхностный, во многом сформированный на подмене причин и факторов, а также на идеологических спекуляциях (ведь режим, калечивший украинцев, калечил и русских). В глубинах же генетики заложены восходящие к нашим дням токи того взаимного тяготения, которое, при условии опоры на взаимодополняемость, может дать импульс высокоэффективному взаимодействию. Именно во взаимодополняемости черт характера, а не только лишь в разорванных и подлежащих восстановлению научных и технологических связях заложен неиспользуемый пока что интеграционный потенциал, который восполнить (особенно Украине) нечем. Причем речь может идти об особенностях, которые (в обычной жизни неприемлемые) могут на деле, при благоприятной общей обстановке, определять успех на многих важнейших трансформационных направлениях.

В данном случае, поскольку акцент делался мной на экономике, я не фиксировал то общее и особое, что взаимодополняемо в сфере культуры, в социальной и духовной жизни. Зато внимание, наряду с другими явлениями, уделялось процессам формирования бизнеса. Так акцентировалось на том, что украинец, конечно же, уступая русскому в размахе и в способности концентрировать энергию на малом отрезке времени, выигрывает в малом, а также в отладке уже состоявшихся трансформаций, в хозяйственной дисциплине, тщательности, методичности.

Существенно сказывается на судьбе Украины отсутствие в течение веков собственной государственности. Это обстоятельство является одним из источников неостребованности в Украине стратегии, в том числе по причине восприятия Времени как феномена цикличного (от урожая до урожая; от бюджета до бюджета), а не сценарного, как в России, воплощающего стратегические замыслы. Вместе с тем не меньшее, а может и большее значение для объяснения причин дефицита в Украине крупномасштабных замыслов и дел имеет недоверие украинцев друг к другу, сложившееся в качестве черты национального характера.¹

Российский же бизнес не только более масштабен, но и стратегичен сравнительно с украинским. Значение имеет обилие в России ликвидных ресурсов; но не только это. Ведь опыт многих стран, особенно Японии и Южной Кореи, доказывает, что крупные, подчас гигантские корпоративные структуры

¹ Эта особенность национального характера вполне объяснима. Историческая память народа обременена и искалена не только событиями 30-х и последующих годов, но и многовековым господством сменяющих друг друга иностранных режимов, набегами турок, татар; униженным, холопским положением украинцев при поляках (от соседства с которыми, кстати, украинцы бежали поближе к России, что и привело к созданию Слободящины). Иллюстрации того, что феномен взаимного недоверия живуч и в наши дни, — весьма разнообразны; они отнюдь не сводятся лишь к известным пословицам и поговоркам, к расхожему "общему" мнению. Имеются и цифровые доказательства. Так показательным в этом отношении явились результаты социологического опроса, проведенного в начале 90-х годов по программе, разработанной в Гарварде и охватившей примерно два десятка стран. Среди прочих, программой ставился вопрос, касающийся степени взаимного доверия граждан каждой страны друг к другу. При подведении итогов оказалось, что результаты ответов на этот вопрос в Украине уникальны; здесь степень недоверия граждан друг к другу существенно выше, чем в остальных (двадцати, где был проведен опрос) странах.

создаются не только независимо от ресурсной базы, но и в условиях ее отсутствия, и даже вопреки этому, казалось бы, тормозящему обстоятельству. А с другой стороны, имеются страны (к примеру, Нигерия) богатые природными ресурсами, но лишенные способности создать крупный бизнес. В российском варианте нацеленный на стратегию крупный бизнес во многом есть результат иной, чем в Украине, ментальности. И это, при отлаживании взаимодействия, может дать соответствующий импульс экономике Украины. Казалось бы Украина, с учетом ее большей частнособственнической продвинутости, должна по части бизнеса опережать Россию. Но дело в том, что в случае формирования именно крупного бизнеса срабатывает не столько частнособственнический (индивидуалистический) инстинкт, сколько феномен корпоративности, т.е. способности "сбиваться в стаи", а значит, склонности доверять друг другу. Как говорилось выше, именно этих черт украинцам недостает. У русских же они, похоже, в избытке; тут, вероятно, сказывается и общинная генетика россиян.

В. Будкин,

доктор экономических наук, профессор

ОДНА ИЗ НОВЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ СОВРЕМЕННОСТИ

XX ст. не смогло решить и оставило в наследство нынешнему веку ряд таких глобальных проблем, как экологическая, демографическая, энергетическо-сырьевая, бедности, а также и увеличивающегося неравенства в жизненном уровне различных стран, опасности агрессии и войны и др. Еще наработки Римского клуба в начале 70-х годов выделили такую их общую особенность, как планетарный характер отрицательного воздействия этих явлений на процессы мирового развития и необходимость противостоять им объединенными усилиями всего человечества. Каждая из этих проблем имеет стойкую тенденцию к обострению в направлении возникновения всемирной кризисной ситуации с определенным ее смягчением только относительно предотвращения возникновения Третьей мировой войны с использованием оружия массового поражения. Кроме того, всеобщая политическая, экономическая и идеологическая